

УДК 398.3
ББК 82.3 (2Рос=Рус)

КАК МЕДВЕДЬ С БОГОМ ГОВОРИЛ: О МЕДВЕДЕ В ЛЕГЕНДАХ ФОЛЬКЛОРНОЙ БИБЛИИ

ВЕРА СТАНИСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА

(Институт филологии Сибирского отделения РАН:
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8)

***Аннотация.** Устные народные рассказы, связанные с библейскими событиями и персонажами, составляют важный раздел русской фольклорной легенды. Адаптация фольклорной традицией библейских повествований, переходящих в фольклорную Библию, и особенности их восприятия в системе народных представлений имеют академический интерес. Фольклорная традиция демонстрирует при этом связь с христианской книжностью и привносит элементы дохристианских верований и представлений различных этнокультурных традиций.*

Одним из популярных персонажей фольклорной прозы является медведь. Некоторые этиологические повествования о медведе фольклорная традиция связала с библейскими персонажами и включила в круг сюжетов фольклорной Библии. Одна из таких историй — о происхождении медведя от человека, превращенного в зверя в наказание за какую-либо провинность, например, за то, что напугал Бога. Этот сюжет хорошо известен в фольклоре, в том числе в славянской традиции. Изучение фольклорных версий библейских легенд в русских сибирских записях указывает на их органичную связь со славянской фольклорной традицией: славянские переселенцы в Сибири приносили с собой традиции из Европейской России. Однако повествования о Медведе, просившем себе у Бога пятый палец (это ему предлагается при условии, что собака получит лук и стрелы) известны в русской фольклорной Библии только в сибирских записях и не известны в записях Европейской России. Указанные повествования и являются предметом рассмотрения в данной публикации.

Ключевые слова: Медведь просит себе пятый палец, легенды.

Одним из популярных персонажей фольклорной прозы является Медведь¹. В этиологических повествованиях о Медведе народной Библии отмечаются два мотива: «Медведь — превращенный человек» и «Медведь просит себе у Бога / Христа пятый палец». Первый из них пред-

ставлен в сказках, легендах и поверьях о происхождении медведя от человека, которого Бог обратил в зверя (часто в наказание за какую-либо провинность), он хорошо известен в фольклоре, в том числе в славянской традиции². Этот мотив присутствует и в русских сибирских записях

¹ О фольклорных представлениях, связанных с медведем, см.: [Новичкова 1995; Гура 1997, 159–177; Гура 2004; Попова, Виноградов 1936; Болонев, Фурсова 2000; Афанасьева-Медведева 2010].

² См., например, некоторые варианты популярного сюжетного типа сказок об исполнении желаний бедняка золотой рыбкой или деревом, лисой, котом (АаTh 555; СУС 555), в которых человек превращен в медведя за свои неумные и неумеренные пожелания. Перечень славянских этиологических сюжетов о медведе см.: [Гура 1997, 159–163].

поверий и легенд о медведе. Находим его, например, в рассказах о человеке, превращенном в медведя за то, что напугал Бога³, записанных Г. С. Виноградовым среди русского старожильческого населения в селе Тулун Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Примеры таких повествований:

«Медведь произошел от простого мужика. В старые времена Бог часто показывался людям — чаще всего в виде странника с седой бородой. Идет раз вечером Бог под видом странника, а мужик в это время шел домой после работы. Вздумалось мужику поугагать старика. Спрятался под мост и ждет. Только стал Бог подходить к мосту, мужик собрался с силой да как рывкнет. Бог испугался, а маленько погодя и говорит: “Ты меня испугал, и вот за это ты будешь такой, что тебя будут люди бояться: ты будешь реветь, а чтобы люди знали, что ты из человека, ноги твои будут — как человеческие руки”» (не позднее 1922 г.) [Попова, Виноградов 1936, 79 (1)];

«Два мужика хотели напугать Иисуса Христа. Они выворотили шерстью вверх шубы и сели под мост, через который должен был проходить Иисус. Подходит он к мосту, а мужики как выскочат да рывкнут... Христос не испугался, превратил их в медведей. Завыли они и пошли в лес...» [Там же, 79 (3)].

Народные рассказы о человеке, напугавшем Бога (в том числе из-под моста) и в наказание за это превращенном в медведя, хорошо известны, их варианты представлены во многих фольклорных собраниях разного времени⁴.

Второй из названных мотивов — о Медведе, просившем себе у Бога пятый палец (Бог/Христос либо отказывает, либо соглашается, но грозит в этом случае дать собаке лук и стрелы) — известен только

в русских сибирских записях. Мы можем указать пять вариантов таких повествований, датируемых серединой XIX — серединой XX в. Одна из записей — «Как мудведь с Богом говорил» — была сделана А. А. Савельевым в декабре 1910 г. в деревне Федина Пинчутской волости Приангарского края:

«Пошел мудведь к Богу и говорит ему: “Дай мне, Бог, петь пальцев на ноги, и потом я буду богатырь в двенадцать лошадиных сил”. Подумал Бог, подумал да и говорит: “Хорошо, ежели ты хошь, чтоб я тебе дал петь пальцев, а утя сила и так уж огромная, так я собаке тоже дам лук и стрелу. Хошь так?” Ну, мудведь тоже стал думать. Думал, думал, да и говорит Богу — нет! Вот у ево четыре пальца только и есть⁵. Этот текст по архивной рукописи (ГЛМ. Ф. А. А. Савельева. Д. 26. № 2) опубликован: [Фольклор Приангарья 2000, 47; НБ 2004, № 353].

Близок приангарскому варианту текст из Русского Устья, который в 1946 г. записал Н. М. Алексеев: *«Медведь просил пять пальцев себе у Христа. На это ответил: “Если я тебе дам пятый палец, то собаке дам лук да стрелы”». Медведь не согласился: “Чем собаке дать лук и стрелы, лучше мне не давай пятый палец”». По архивной рукописи (АЯФ. № 772. Л. 4) опубликовано: [ФРУ 1986, № 75].*

Еще две фиксации рассказа о Медведе, просившем себе у Бога пятый палец, принадлежат Г. Н. Потанину. Одна из них — с пометой «Верхнеудинск» (Забайкальская обл., Верхнеудинский уезд): *«Медведь сел на городьбу и просил у Бога пятаго пальца. Бог сказал: дам; но тогда нужно уж человеку дать крылья, а собаке лук и стрелы» [Потанин 1864, 122].*

Другая — *«Медведь просил у Бога дать ему большой палец; Бог отказал. Кабы ему*

³ Заметим, что, согласно зафиксированным здесь народным повествованиям, превращение человека в медведя не всегда совершается в связи с тем, что он напугал Бога. Укажем, например, на записанное заведующей и хранительницей русского отдела Музея восточносибирского отдела Русского географического общества А. М. Поповой поверье о происхождении медведя от проклятого родителями человека: *«Медведь был проклятый отцом и матерью человек. Отец его проклял, он и ушел в лес. А там его нечистый поджидал и шкуру на него медвежьей надел. И вот он сначала не совсем ее носил; иногда приходил к отцу, а тот его пуще ругал и проклинал, ну он и вовсе ушел, и с тех пор и живет в лесу» (Иркутская губ., Балаганский уезд, Яндинская вол., записи 1921–1922 гг.) [Попова, Виноградов 1936, 78–79].*

⁴ Восточнославянские варианты сюжета см., например: [Афанасьев 1859, предисл. h; Чубинский 1872, 50–51; Драгоманов, 1876, 5–6, № 10; П. И<ванов> 1888, 94; Добровольский 1891, 288, № 56; Романов 1891, 168, № 23; Шейн 1893, № 187–189; НБ 2004, № 349–352].

⁵ Здесь и далее в текстах полужирный курсив мой. — В. К.

дать большой палец, то **человеку нужно бы крылья, а собаке ружье. У него 12 конских сил**» [Потанин 1883, 754] — с кратким пояснением «от крестьянина деревни Веденьщина» сделана, вероятно, в Иркутской губернии. Все сообщения в этом разделе поверья о медведе предварены указанием собирателя: «В Туранском карауле Иркутской губ<ернии> мною записаны следующие поверья русских казаков звероловов» [Там же, 753]. Этот же текст приводится Н. М. Ядринцевым [Ядринцев 1890, 112] в пересказе и с краткой ссылкой на публикацию Г. Н. Потанина.

Пятый из известных нам текстов с мотивом «Медведь просит себе у Бога пятый палец» записан в самом начале 1920-х гг. или несколько ранее Г. С. Виноградовым в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии и снабжен пояснением: «...<с.> Шабарта. Со слов Сергея Григорьевича Ленивцева сообщила Ел<ена> Ал<ексеевна> В<иноградо>ва»⁶. Этот вариант особенно замечателен тем, что в нем оба мотива фольклорных «библейских» рассказов о Медведе — «Медведь — превращенный человек» (за то, что напугал Бога) и «Медведь просит себе у Бога пятый палец» — органично соседствуют, образуя единое повествование:

«Дедушка рассказывал... <...> Один мужик, говорит, был страшной силы, и голос у него был такой зычный, что всех он пугал. Вот едет раз Бог на телеге с поля, а мужик спрятался за куст и хотел напугать его: выскочил из лесу и рявкнул своим голосом. Бог сказал ему: "Ты всех людей пугаешь, люди тебя боятся: дак пугай ты их вечно, но и сам не бойся... Ты будешь с этой поры медведь". И мужик сделался медведем. Если снять с теперешнего медведя шкуру, то как есть человек. Только на лапах нету большого пальца.

⁶ В другой публикации Г. С. Виноградова о рассказчице сообщается: «Елена Алексеевна Виноградова, 60-летняя вдова, коренная сибирячка: "И отец-то мой родился в Сибири, в Шабарте, а дедушка-то мой из *поляков*, сказывают, был". Выросла в Шабарте, жила в Худоелани, в Курзане, более 30 лет живет в Тулуне. Обладая редкостной памятью, помнит много старинных песен, рассказов, примет и пр., слышанных в детстве. Знает употребление трав и запасает их, но никого, "акромя своих коровёнок" — не лечит» (выделено мной. — В. К.) [Виноградов 1915, 326]. От нее записаны также перенятые ею от дедушки «Сергея Григорыча» песни, см.: [Виноградов 1914]. Поляки — местное название старообрядцев, потомков русских старообрядцев из Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской губерний, обосновавшихся сначала в Белоруссии (Стародубье, Ветка, Добрянка, Гомель, Дорогобуж), а оттуда в конце XVIII в. переселившихся в административном порядке в Сибирь, где они разместились на Алтае (по р. Убе), частью же ушли в Забайкалье.

*Страшно стало медведю. "Осподи, говорит, если мне надо теперь бояться людей, то зачем же ты отнял у меня прихватной большой палец?" — и стал просить у Бога большого пальца. Но Бог сказал: "У тебя и так **двенадцать конских сил**. При твоей силе, да оставит тебе прихватной палец, — ты тогда никого бояться не будешь, ни у кого силы не хватит с тобой сладить". И не дал ему пятый палец»* [Попова, Виноградов 1936, 79 (4)].

Мотивы, близкие представленным в русских сибирских записях рассказов о Медведе, просившем себе у Бога большой палец, обнаруживаются в фольклоре сибирских народов. Так, рассказ о том, почему у медведя на лапах нет больших пальцев, с подробностью о луке и стрелах находим в повествовании, записанном в июне 1928 г. среди эвенков Туруханского края:

«Амака сделал шестипалым медведя и пустил его в лес.

Услышал медведь в себе силу и начал ломать, ворочать все, что попадало ему в лапы. Увидел это Амака и решил убавить силы у медведя. Он сказал ему:

— Чтобы ты стал смиреннее, я оторву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, летом выходить, кормиться орехами, корнями, ягодами, травой.

И оборвал Амака пальцы. Пролежал медведь долгую зиму в темной берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку вернуть пальцы.

— Ладно, — сказал Амака, — я верну тебе пальцы и дам человеку против тебя лук, стрелы, собакам — острые зубы.

Медведь надеялся на свою силу, взял от Амаки пальцы. Пошел. Встретился с человеком и собакой, стали драться. Пустил человек стрелу, вцепилась острыми зубами собака за зад, и закричал медведь:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы, я лучше буду жить без них, спать зимами в берлоге, выходить весной и есть то, что ты велишь.

И оборвал Амака навсегда у медведя большие пальцы» (с пометой: «Байкит, рассказ Сакура») [Василевич 1936, 278, № 6].

Другой записанный среди эвенков вариант см.: [Рычков 1914, 520–521]. Подобные повествования зафиксированы также среди якутов, пример — рассказ, записанный в октябре 1945 г. со слов Тихона Егоровича Кириллина, 84 лет, жителя Нахаринского наслега Мегино-Кангаласского района:

«Бог создал сначала собаку, а потом медведя. Собаку он сделал слабой, но умной, а медведя — ильным, но слабоумным.

Как бы ни был медведь силен, было много такого, чего он не мог одолеть, чего он боялся. Мог бы он все вырвать и разорвать, но не мог этого делать, так как не имел большого пальца на лапе. Однажды он пришел к Богу и попросил сделать ему большой палец.

И тут же собака сказала: «Если ты дашь медведю большой палец, то мне дай ружье».

Бог, поразмыслив, сказал: «Если у медведя будет большой палец, то он разрушит весь мир; если у собаки будет ружье, то она перестреляет все живое», — и не дал медведю большого пальца, а собаке ружья» [Эргис 1964, 106, № 35 (по: АЯФ. Ф. 5. Оп. 29. Д. 8. Л. 19)].

Рассказы о просившем себе у Бога пятый палец Медведю известны и в Северном Приуралье, у коми. Вот один из таких вариантов — «Медведь просит большой палец»:

«Медведь однажды попросил у Бога большой палец, у него ведь четыре пальца. И вот взмолился он перед Богом. Не знаю, есть ли Бог, а, дескать, попросил: дай большой палец на переднюю лапу. Бог ему не дал большого пальца. Тебе, дескать, если дать большой палец, ты всех будешь трепать. Если б у него был большой палец, он был бы чистый богатырь, он бы землю перевернул. Потому что, брат, силен ведь медведь! <...>» (Зап. от А. П. Нестерова, 69 лет, Республика Коми, Усть-Куломский р-н, с. Аныб. 1977 г.) [Рочев 1984, № 105].

Ср. другой вариант, также с подробностью о луке и стрелах:

«Медведь сказал: «Мне нужен большой палец». Старик сказал: «Если тебе я дам

большой палец, то человеку дам крылья, собаке лук со стрелами». Медведь и сказал: «Мне не надо большого пальца. А вот дашь ли нам, медведям, когда-нибудь волю хотя бы на три дня?» — «Дам, — сказал он. — Во время праздника Семенова дня в течение трех дней как вам захочется, — говорит он, — как сумеете, так и живите!» <...> (Зап. от Т. А. Кочанова, Республика Коми, Усть-Куломский р-н, д. Фроловская. Соб. Д. Фокош-Фукс. 1916 г.) [Там же, № 106в].

Отмечаемая близость мотивов русских вариантов сюжета о Медведе, который просил себе у Бога пятый палец, фольклорным традициям народов урало-сибирского региона в сочетании с тем, что все известные русские записи этого сюжета сделаны в Сибири, дает основание предполагать урало-сибирское его происхождение. Особенно интересны случаи, когда присутствие двух разных мотивов повествований о Медведе оказалось зафиксированным в записях одной достаточно узколокализованной территории. Приведенные здесь тексты в записях из Иркутской губернии указывают на то, что жителям поселений этой местности были хорошо известны оба типа таких повествований. Это объясняет наличие в записях этой территории следов влияния одного типа повествования на другой. Так, в некоторых записанных здесь традиционных для славянских вариантов легенд о человеке, превращенном в медведя за то, что напугал Бога, присутствует подробность, которой нет в записях подобных повествований европейской территории исторической России, — акцентированная подробность о числе пальцев (четыре) на лапе медведя, например:

«Прежде, — говорят старые люди, — медведь был человеком. Когда он был человеком, он был богатый, и много работников на него работало, он только поживал да распоряжался. Шел он раз по своей деревне, видит — идет нищий. Взял да и спрятался за садик. Не успел нищий поравняться с садиком, он вдруг выскочил и закричал (хотел испугать). Нищий не испугался, а только сказал: «Будь же ты медведем. Пущай не будет у тебя больше рук, а будут вместо их ноги. И будет у тебя на каждой ноге по четыре пальца». Так богач и стал медведем. А народ-то потом узнал, что нищий-то был Иисус Христос» [Попова, Виноградов 1936, 79 (2)].

Еще более убедительно результат взаимодействия двух видов повествований о медведе демонстрирует приведенный выше рассказ «Дедушка рассказывал...» [Там же, 79 (4)], в котором эпизод о человеке, пытавшемся напугать Бога (за что был превращен в медведя), органично продолжен эпизодом о Медведе, пролившем себе у Бога пятый палец. Такой контаминированный вариант повествования о Медведе с сочетанием в нем двух мотивов мог сложиться на этой территории как результат взаимодействия разных культурных традиций. Подобного рода явление в рамках этой локальной традиции уже наблюдалось нами на примере других народных «библейских» повествований — рассказов о погибающем во время Потопа Мамонте, где мамонт «заместил» единорога в славянских повествованиях о Потопе (подробнее см.: [Кузнецова 2014, 55–56]). Наглядно процесс замещения этих персонажей можно

проиллюстрировать на примере вариантов с мотивами «единорог и птицы» и «мамонт и птицы». В вариантах европейской территории [Драгоманов 1876, 95–96, № 7; Чубинский 1872, 211; Гнатюк 1902/2, 3, № 211, 212, 249, № 430] *единорог* отказывается войти в ковчег, понадеявшись на свои силы; птицы, спасаясь от потопа, садятся на рога/спину единорога, он тонет; в варианте, записанном от русских поселенцев в Забайкалье [Логиновский 1890, 142; Ермолов 1905, 287], *мамонт* отказывается войти в ковчег, понадеявшись на свои силы; птицы, спасаясь от потопа, садятся мамонту на рога, и он тонет⁷. Вместе с повествованиями о гибнущем во время Потопа Мамонте контаминированные формы рассказов о Медведе могут рассматриваться как особенность данной локальной традиции, порождающей в ходе культурных взаимодействий новые — контаминированные — формы фольклорных повествований⁸.

Источники и материалы

Афанасьев 1859 — Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. М., 1859.

АЯФ — Архив Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне: Якутский научный центр Сибирского отделения РАН).

Василевич 1936 — Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич; Под ред. Я. П. Алькора. Вып. 1. Л., 1936.

Виноградов 1914 — *Виноградов Г. С.* Песни отживающего поколения // Сибирский архив. 1914. № 7–8. С. 357–367.

Виноградов 1915 — *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилевого населения Сибири // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–431.

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

Гнатюк 1902 — Галицько-руські народні легенди. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. 2 // Етнографічний збірник. Т. 13. Львів, 1902.

Добровольский 1891 — Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. СПб., 1891.

Драгоманов 1876 — Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Киев, 1876.

Ермолов 1905 — Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 3: Животный мир в воззрениях народа. СПб., 1905.

Логиновский 1890 — Логиновский К. Д. Русский рассказ из Забайкалья [о Потопе] // Записки ВСОРО по этнографии. Т. 1. Вып. 2. Примечания XI. Иркутск, 1890.

НБ 2004 — «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.

⁷ «Когда Ной забрал в ковчег всех птиц, то единорожец заявил, что он в состоянии плавать сорок суток, и потому не желает идти в ковчег. Верят, что он действительно прожил бы, если бы не утопили его другие птицы, спасаясь от потопления на его спине» (Литинский уезд Подольской губ.) [Чубинский 1872, 211].

«**Не хотел войти в ковчег мамонт; он надеялся проплыть.** Долго он плавал, наконец, когда потопило горы и леса, птицам негде было сидеть, оне стали садиться ему на рога. Долго он еще плавал и с птицами; наконец, их стало садиться все больше и больше, силы мамонту изменили, и он не доплыл нескольких дней, потонул» (станция Размахина Забайкальской обл.) [Логиновский 1890, 142].

⁸ О некоторых особенностях сюжетного состава легенд русской фольклорной Библии в Сибири см.: [Кузнецова 2014].

П. И. 1888 — П. И <ванов>. Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру: (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Харьковский сборник: Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1888 год. Харьков, 1888. Вып. 2. Отд. 2. С. 81–99.

Потанин 1864 — Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Русским Географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1–154 (1-я пагинация).

Потанин 1883 — Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению имп. Русского Географического общества Г. Н. Потаниным. Вып. 4: Материалы этнографические. СПб., 1883.

Романов 1891 — Белорусский сборник: Собрал Е. Р. Романов. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные. Витебск, 1891.

Рочев 1984 — Рочев Ю. Г. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.

Рычков 1914 — Рычков К. Из области тунгусского творчества // Сибирский архив. 1914. № 11. С. 517–521.

Фольклор Приангарья — Фольклор Приангарья начала XX века / Публикация В. В. Запорожец // Живая старина. 2000. № 2. С. 45–48.

ФРУ — Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л., 1986.

Чубинский 1872 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1872.

Шейн 189 — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 2. СПб., 1893.

Эргис 1964 — Якутские сказки: В 2 т. Т. 1./ Изд. подгот. Г. У. Эргис. Якутск, 1964.

Исследования

Афанасьева-Медведева 2010 — Афанасьева-Медведева Г. В. Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири: (По материалам фольклорных экспедиций 1980–2010 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 65–68.

Болонев, Фурсова 2000 — Болонев Ф. Ф., Фурсова Е. Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири (следы прошлого в настоящем) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 33–40.

Гура 1997 — Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гура 2004 — Гура А. В. Медведь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. С. 211–215.

Кузнецова 2014 — Кузнецова В. С. О локальных особенностях сибирского корпуса легенд русской фольклорной Библии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 1 (26). С. 54–60.

Новичкова 1995 — Медведь // Русский демотологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 361–365.

Попова, Виноградов, 1936 — Попова А. М., Виноградов Г. С. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Советская этнография. 1936. № 3. С. 78–83.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

Ядринцев 1890 — Ядринцев Н. М. О культе медведя, преимущественно у северных инородцев // Этнографическое обозрение. 1890. № 1 (Кн. 4). С. 101–115.

AaTh — The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" / Translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова В. С. <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; тел.: +7(383) 330-53-45; e-mail: vera_kuznetsova@mail.ru

AS THE BEAR TALKED TO THE GOD: ORAL STORIES OF FOLK BIBLE ABOUT THE BEAR

VERA S. KUZNETSOVA

(Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences:
8, Nikolayev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Summary. *Oral folk stories related to biblical events and characters form a significant part of Russian folk legends. The adaptation of biblical narratives by oral literature tradition amounts to a Folk Bible and the features and ways of its acceptance in the system of folk tradition are of scholarly interest. This oral literature tradition has drawn on Christian literature and includes elements of pre-Christian beliefs and attitudes traceable to different ethno-cultural traditions.*

One of popular characters of folklore prose is the bear. Etiological stories about a bear's origin have got linked by folklore tradition with certain characters of the Holy Bible and thus they've got included into a circle of plots of the folklore Bible. One of such stories is about a bear originated from the person transformed into a beast in punishment for a certain fault, for example, that he has frightened the God / Christ. This plot is well-known in folklore, including the Slavic oral tradition. Studying of folk versions of biblical legends in Russian Siberian records specifies their organic communication with Slavic folk tradition; which Russian settlers in Siberia have brought with them among other traditions from European Russia. The stories about the Bear, which asked Christ to give him the fifth finger (and is offered it with the condition that the Dog receives bow and arrows) has been recorded in Siberia only and doesn't exist in European Russia. The specified narrations are a subject of consideration in the given publication.

Key words: Bear asking God for a fifth finger, legends.

References

Afanasyeva-Medvedeva G. V. (2010) *Obraz medvedya v russkoy narodnoy proze Vostochnoy Sibiri* (Po materialam fol'klornykh ekspeditsiy 1980–2010 gg.) [Bear image in Russian folk prose of the Eastern Siberia (on material of folklore expeditions during 1980–2010)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture and education]. 2010. No 6. (25). Pp. 65–68. In Russian.

Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comp.) (1979) *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative plot index: East-Slavic folk-tale]. Leningrad. In Russian.

Bolonev F. F., Fursova E. F. (2000) *Kul't medvedya v verovaniyakh krest'yan Sibiri* (sledy proshlogo v nastoyashchem) [Bear cult in beliefs of peasants of Siberia (traces of the past in the present)]. In: *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: history and culture. The bear in old and contemporary cultures of Siberia]. Novosibirsk. Pp. 33–40. In Russian.

Gura A. V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow. In Russian.

Gura A. V. (2004) *Medved'* [Bear]. In: *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic

antiquities: Ethno-linguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Moscow. Pp. 211–215. In Russian.

Kuznetsova V. S. (2014) *O lokal'nykh osobennostyakh sibirskogo korpusa legend russkoy fol'klornoy Biblii* [About local feature of Siberian legend corpus of the Russian Folk Bible]. *Yazyki i foi'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2014. No. 1 (26). Pp. 54–60. In Russian.

Novichkova T. (1995) *Medved'* [Bear]. In: *Russkiy demonologicheskiy slovar'* [Russian demonology dictionary]. St. Petersburg. Pp. 361–365. In Russian.

Popova A. M., Vinogradov G. S. (1936) *Medved' v vozzreniyakh russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri* [Bear in the views of the Russian old-timer population of Siberia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1936. No. 3. Pp. 78–83. In Russian.

Thompson S. (ed.) (1964) *The Types of the Folktale. A classification and bibliography.* Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen". Transl. and enlarged by Stith Thompson. The 2nd revision. Helsinki. In English.

Yadrintsev N. M. (1890) *O kul'te medvedya preimushchestvenno u severnykh inorodstev* [About bear cult among primarily northern minorities]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1890. No. 1 (Book 4). Pp. 101–115. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova V. S. <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

E-mail: vera_kuznetsova@mail.ru

Tel.: +7 (383) 330-53-45

8, Nikolayeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

PhD (Philology), leading researcher, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
